

ОЧЕРК

ПРОФЕССИЮ артиста смело можно причислить к разряду уникальных: каждый актер носит в себе мир неповторимой творческой личности, каждый своими путями проникает в жизнь людей, почему-то называемых в театре персонажами. Старый, заезженный лозунг «Незаменимых нет!» в искусстве недействителен. В искусстве все незаменимы. Актер, уходящий из театра, не только уносит с собой список иггранных ролей, но и уводит целую плеяду людей, которых зовут Гамлет и Шванда, Вожак и Мекунг Мессер, Нил и Джульетта — несть им числа.

И все же есть в театре понятие «срочная замена», когда вместо заболевшего или ушедшего актера его товарищ с одной-двух репетиций вводится в незнакомую пьесу. На другой день после спектакля ему обычно объявляют благодарность приказом. А если поблизости в актерском фойе сидит старый опытный актер, ручаюсь, вы услышите из уст его сакраментальную фразу: «За что благодарить, он же профессиональный актер».

Меня давно интересует это понятие — «профессиональный актер». Кто он такой? Выпускник знаменитого театрального вуза или училища? Человек, прослуживший в разных театрах пару десятков лет? Просто любой обладатель актерской профессии?.. Не знаю, едва ли на эти вопросы можно ответить сразу. Понятие «профессионал» вообще ушло от первоначальной простоты. Раньше сапожником называли мастера, делающего хорошую обувь. Теперь так невоспитанные зрители называют плохого кинемеханика...

Возможно, то, что я хочу сейчас рассказать, не блещет оригинальностью, но... Вот несколько наблюдений над людьми актерской про-

фессии, наблюдений, имеющих прямое отношение к понятию «профессионал».

ПРИМЕРНО к третьей репетиции нового спектакля он знает весь текст, а после второго выхода на сцену — все мизансцены, потом он добросовестно ходит навсе прогоны и генеральные, но добавляет к сделанному в самом начале ему нечего. Он все знает, склонен к самостоятельной работе, подготавливает одну, а то и две главных роли в спектаклях, в которых не занят, после чего подает творческую заявку. Говорит только громко, даже при плохой акустике его слышно всем зрителям, обладает внушительной внешностью и не обладает чувством юмора. Уверен, что не боги горшки обжигают. В его послужном списке много сыгранных ролей, он активно сотрудничает на радио и телевидении, в концертных организациях, особенно много работает в Новый год: елки! Часто обижается: когда его товарищи получают звания; когда его товарищи повышаются в тарификации; когда его товарищи хорошо играют роли, на которые он имеет право (по его мнению).

Этот актер (портрет его собирательный, поскольку столько качеств в одном человеке почти не встречается) владеет своим **РЕМЕСЛОМ**: сцены не боится, тексты запоминает и, как пишут в характеристиках, творчески активен.

Вред, который приносит он зрителю неопытному, очень трудно измерить — ремесло обладает всеми внешними признаками искусства.

ОДНАЖДЫ в актерском фойе рассказывали театральные истории. Надо сказать, что это вид устного народного творчества, пока еще мало изученный, однако обладаю-

щий многими достоинствами. В историях этих причудливо сочетаются предания о великих актерах с притчами общечеловеческого свойства; трогательные анекдоты из актерского быта — с едкими насмешками над недостатками человека, которого зовут Артист. Так вот, однажды рассказывали в фойе об известном провинциальном актере, которого не брал к себе в труппу тоже очень известный провинциальный режиссер. «Пусть одним хорошим артистом в труппе будет меньше, да одним хорошим человеком больше», — говорил режиссер.

Байка эта весьма поучительна, ибо приобрела теперь хождение истина другая: таланту все прощать можно. Написал я это вот для чего — хочу рассказать об артисте, профессиональные качества которого очень хороши, но свойства души... Свойства души помешали ему подняться над **ПРОФЕССИОНАЛОМ** в себе и вырасти в самое большое, чем и кем может быть человек в искусстве, — в **ТВОРЦА**.

Артист этот получал роли большие — не самые главные, но всегда большие. А иногда и главные. Исполнял он их так, что в газетах писали не о больших и редких удачах, а всегда — о добротных работах. Не было взлетов, но и падений не бывало. Шел он по ступенькам актерского успеха размеренно, дошел и до звания. И было то звание заслуженным, потому что много лет подряд не сделано было ни одной ошибки...

Что же помешало мастеру-профессионалу стать творцом? Были же (да и есть!) способности, и ум, и трудолюбие...

А дело вот в чем: изнутри себя человек изъязвил ржавчиной зависти, стремлений, не на творчество направленных, полной

душевной невоспитанностью.

Как-то само собой разумеется, что есть профессии, обладатели которых считаются интеллигентами, — учитель, врач, инженер, артист. А интеллигент — это, главным образом, состояние духа, это благородство и самоотдача, это поиск и желание сделать больше даже, чем в силах твоих. Интеллигент — это хороший человек, отдающий все свои знания и силы благородному делу и в нем творящий новое. В определении, вероятно, не хватает научности. Ну, да не в том суть...

А ТЕПЕРЬ — эпизод главный. Эпизод, свидетелем которому я был.

Шел спектакль на гастролях. Зал был полон, но что-то не ладилось, и связь сцены и зрительного зала рвалась, и шел спектакль не только к своему финалу, но и на спад, а тут еще одна из актрис оговорилась, и в пьесе из жизни прошлой упомянула название города современное, ну, например, вместо Екатеринбург — Свердловск. Зал развеселился. Тогда-то артист, монологом которого заканчивался спектакль, вышел к рампе и заговорил. И зал притих, потому что в слова роли были вложены такие могучие душевные силы, такая правда и горечь, что не могли они не отозваться в сердцах. В тишине мучительной дослушал зал монолог. И долго потом не утихали аплодисменты, и много раз раздвигался занавес — последние минуты испутили холодок всего спектакля.

Что это было? Творческое озарение? Мобилизация всех сил в минуту необходимости? Видимо, и то, и другое. Но прежде всего было **ТВОРЧЕСТВО**.

Фамилия этого артиста — Ильин.

Хорошо театру, в котором есть хотя бы один актер, творчество которого единодушно признается народом. Народ очень точно оценивает. Какими бы тиражами ни расхвалились открытки кинозвезд и кинозвездочек, но навечно признаны Щукин и Бабочкин, а не Гурченко и Гурзо.

В Свердловской драме таким актером был Борис Федорович Ильин. Вместе с ним трудилось и блистало целое созвездие прекрасных художников, но он был заглавным артистом, от которого всегда ждали чуда творчества. И он не обманывал ожиданий. Театроведы, видимо, могут сказать, что и у него были роли удавшиеся больше и меньше, были подъемы и спады, но никогда не было в его работе, в его каждодневном труде неряшливой грубости, присущей подделке ремесленника, или холодного блеска равнодушного профессионала. Было творчество — его живая плоть, муки поиска и счастье открытия, был осмысленный и выстраданный путь к сердцу народа, были ум и сердце художника, навсегда отданные искусству.

Сейчас Борис Федорович на пенсии. Честно говоря, понять это трудно: творчество — на пенсии? Вдохновение — на пенсии? Подвиг — на пенсии?.. Но, независимо от того, вернется или не вернется к любимому делу Борис Федорович Ильин, можно с уверенностью сказать: мерой его творчества будут долгие годы оценивать свершения каждого артиста в наших краях.

АКТЕР-ТВОРЕЦ, только он один дает нам право надеяться на вечную жизнь театра, дает уверенность в будущем театра. Ремесленники и профессионалы — нет.

М. САВИН.